

Место Тане досталось неважное, прямо над колесом, пол автобуса поднимался почти до сиденья, и сидеть было очень неудобно. Но она и этому была рада—могла бы вообще не уехать, и ночь пришлось бы коротать на вокзале. Она уселась поудобнее, закрыла глаза и попыталась уснуть. Перед глазами сразу же возникла картина вчерашних сборов, провозаний, слёз девчонок, с которыми она прожила пять лет в одной комнате. Все разъезжались в разные места, в основном в сельские школы, одной ей повезло: районный центр с двенадцатитысячным населением—почти город. Две школы, в одной из которых ей и предстоит работать.

Поползли тревожные мысли о жилье: как-то всё устроится? Наверное, придётся снимать комнату или угол. Не хотелось бы... но что делать? Таня давно мечтала о своей собственной квартире, понимая, что мечты её пока несбыточные. Замуж выйду, и квартира появится, думала сейчас Таня. Замуж... Уж замуж невтерпёж... Как-то вот не получалось с «замужем»-то... Некоторые на первом курсе повыскакивали, а она... Мать уже давно с намёками разговоры ведёт: пора, дескать, дочка, внуков уже хочется понячить. Таня отшучивалась, а на душе было неуютно.

Любовь у неё, конечно же, была. Да и как поэтессе без любви?! Предмет её вдохновения, преподаватель их института, был женат, но... ему и только ему она посвящала свои возвышенные стихи, о нём мечтала, его наделяла всеми мыслимыми и немислимыми достоинствами. Сколько слёз было пролито в подушку, сколько изведено чернил, бумаги, а он не обращал на Таню ни малейшего внимания. За этими переживаниями она совершенно не замечала других парней и искренне считала себя никому не нужной, несчастной Золушкой.

Но эта неземная любовь скоро пошла на убыль—помог случай. Таня с подружками загорали на берегу заросшей тальником речушки, когда рядом, в кустах, загремела музыка и послышались громкие голоса, в одном из которых она узнала голос своего кумира. Смысл разговора невидимых соседей не оставлял никаких сомнений: он был там с женщиной, более того—с любовницей! Что

с любовницей, а не с женой, Таня тоже сразу поняла—жену она его хорошо знала. Она заглянула в просвет между ветками кустарника. Увы, она не ошиблась. Женщина, с которой он ворковал, была далеко не первой молодости, распылывшаяся, нетрезвая, с всклокоченными красно-свекольными волосами, в белом лифчике и голубых трусах. На расстеленной скатерти стояли бутылки с водкой и пивом, лежала какая-то закуска... Женщина пьяно хныкала, выговаривала ему за что-то, он защищался, пытался её обнять и поцеловать, но подружка вырывалась, сердито отталкивая его рукой.

В конце концов они помирились, но Таня стала больше смотреть—она была оскорблена до глубины души. Она бы простила ему картину семейной идиллии, но эта... Особенно её поразили ноги соперницы: широкие, короткопалые ступни с невероятно толстыми пятками, с грязными подошвами, с шишками около больших пальцев; на одной ноге татуировка в виде затейливого узора—от лодыжки до колена.

Таня, содрогнувшись, усилием воли отогнала от себя неприятные воспоминания, достала из кармашка дорожной сумки томик Пушкина и погрузилась в чтение.

Ноги совсем затекли. Таня попыталась их вытянуть, но это оказалось невозможным. Настроение быстро портилось, ведь ехать предстояло ещё часа полтора. К тому же рядом примостился какой-то тип, от которого несло пивом... Она и так, и этак старалась отвернуть своё лицо, но запах доставал со всех сторон. И отодвинуться было невозможно на узеньком сиденье. Она готова была заплакать. Ну почему ей так не везёт? Острая жалость к себе заполнила сердце. Ей всегда и во всем не везёт: в очередь хоть не становись—любая очередь кончается перед ней. Вот и с билетом—нет чтобы на другое место взять, терпи теперь этого алкаша. Пьяных она не переносила, может быть, поэтому и была такой разборчивой в потенциальных женихах. Если замечала, что парень, который ей приглянулся, слегка навеселе, она тотчас же теряла к нему интерес. А где же теперь их взять, непьющих-то?

— И что мы читаем? — прервал её мысли хрипловатый голос соседа. Он бесцеремонно отвернул обложку, присвистнул: — Пушкин, Александр, так сказать, Сергеевич! Уважаю!

Таня возмущённо фыркнула: это ещё что такое? Она сердито захлопнула книжечку и отвернулась к окну.

— Люблю грозу в начале мая... — как ни в чём не бывало продолжал сосед.

— А вы уверены, что это Пушкин? — съехидничала Таня и тут же пожалела, что вступила в разговор. — Нет, совсем не уверен! Если честно, то это я сам как-то на дежурстве сочинил.

— Да что вы говорите! — Таня, не удержавшись, громко расхохоталась. — Так вы поэ-э-эт?

— Да, я поэт, — важно приосанился сосед. — Меня даже в районной газете напечатали!

Он гордо поглядывал на Таню, но она решила больше с ним не разговаривать. Знает она этих поэтов... В литкружке наслушалась, посмотрелась... Напишут две строчки — «розы-морозы», «кровь-любовь» — и готово: поэт! И главный аргумент: соседка похвалила, сестра плакала, мамочка растрогалась, подружки рыдали...

Сосед завозился в кресле, достал из внутреннего кармана пиджака полиэтиленовый пакет с какими-то бумажками.

— Не верите? Вот, смотрите, — он развернул замусоленную вырезку из газеты. — Вот видите, подпись: Данифар Рахас. Это я.

Таня через плечо искоса взглянула на листок. Стихи. Имя автора, фото. Странно, имя какое-то восточное, а парень откровенно славянской внешности: нос вздёрнутый, волосы, выгоревшие на солнце, почти белые. А тут какой-то Данифар... Но спрашивать не стала, он ей надоел.

Выйдя из автобуса, Таня с любопытством огляделась. Автовокзал с огромными стеклянными окнами-витражами, клумбы и кусты, покрытые толстым слоем пыли, гипсовый мальчик с горном — надо же, сохранился до сих пор, — снующий туда-сюда по привокзальной площади народ... От вокзала уходили две довольно широкие заасфальтированные улицы, засаженные тополями и акацией; в общем-то, не так уж и страшно, есть места похуже.

— Вам куда? — раздался знакомый голос.

О Господи, опять этот, прицепился, как репей... Она демонстративно отвернулась. Надо посмотреть, где остановка городского автобуса, если они здесь существуют. Но сколько бы она ни вглядывалась, жёлтой таблички с расписанием не было видно. Таня вздохнула. Придётся пешком идти, надо только узнать, где находится школа.

— Ну что? — опять этот Данифар или как его там. — Осмотрелись? Пошли, а то на автобус опоздаем.

Он подхватил её чемодан, сумку и пошагал, не оглядываясь. Таня ещё пыталась протестовать, но он не обращал внимания.

— Вот, Елена Львовна, — весело подмигивая Тане, громко доложил он полной женщине лет пятидесяти на вид, — новую учительницу вам привёз! Русский язык и литература! А то всё жалуетесь, что кадров не хватает!

— Здравствуйте, — сухо вато поприветствовала женщина. — Директор школы, Елена Львовна. Жилья для вас пока нет, но что-нибудь подберём. Несколькими днями здесь поживёте, пока угол вам не подыщем.

— Да что искать-то, Елена Львовна?! — встрял Данифар. — У нас можно, или вон наша соседка сдаёт комнату. Пошли, — он решительно подхватил Танины вещи.

— Да погоди ты трещать, Васька, — оборвала его директриса. — Что ты лезешь не в свои дела? Помог — ну и иди себе...

— А может, я лучше к соседям? — робко сказала Таня.

Ей почему-то не хотелось оставаться здесь, с этой неприветливой женщиной. А этот... Васька (почему Васька?) уже вроде бы как знакомый... Она вдруг почувствовала себя страшно одинокой. — Ну, как говорится, было бы предложено. Завтра в восемь тридцать прошу быть в школе.

Парень весело подхватил вещи и зашагал, сгибаясь под их тяжестью. Таня поплелась вслед за ним.

Дом, где жил Васька-Данифар, стоял почти в самом конце длинной улицы. Это, по сути, была уже деревня. Добротные деревянные дома, спрятавшиеся в густых зарослях сирени, черёмухи. В каждом палисаднике — мальвы, излюбленные цветы деревенских жителей. По всей длине улицы возле каждого дома стояла бочка, сверху прикрытая доской. Видимо, на случай пожара, молодцы какие, подумала Таня. На пригорке в ограде одного дома стоял самолёт-кукурузник. Рядом паслись козы.

Васька-Рафинад болтал без умолку. Проходя мимо какого-нибудь дома, рассказывал смешную историю о его хозяевах и сам хохотал.

— Вон, видишь, дед сидит, в трухе и в валенках? Местный дед Щукарь. Спят с бабкой ночью, вдруг грохот какой-то раздаётся. Он кричит: «Бабка, вроде кто-то упал?» И через минуту: «Бабка, а ведь это я с кровати-то упал!»

Таня невольно смеялась вслед за ним.

— А у этих собака была, Бобик, — продолжал заливать Васька, — так вот однажды тетка Матрёна заходит в избу: «Петруха, Бобик оценился!»

Встречные жители с интересом поглядывали на Таню, глазами спрашивая Ваську, кто, мол, такая. — Привет, Рафинад! Здорово, Вася! — слышалось то и дело.

По всему было видно, что Васька в посёлке фигура популярная. Василий многозначительно молчал.

— Привет, Рафинад,— протянул руку подвыпивший мужичок средних лет.— Ты что, невесту себе привёз из города?

— А тебе какое дело, Кузьмич? Может, и невесту,— Васька метнул на Таню насмешливый взгляд: как она среагирует на такое заявление?

Таня смутилась, но он продолжал опять болтать как ни в чём не бывало.

— Вася, а почему тебя все зовут Рафинадом? — спросила Таня.

— А ты мой псевдоним видела — Данифар Рахас? Если читать наоборот, получается сахар-рафинад. Сам придумал,— с гордостью сказал Василий.— Ни у кого такого нет. А так-то моя фамилия Сахаров.

Да уж, до такого точно никто не додумается, засмеялась про себя Таня. Забавный какой...

Всё складывалось наилучшим образом. Танина квартирная хозяйка, тётя Клава, женщина одинокая и добрая, Таню приняла с радостью. Сразу предложила столоваться у неё, да больше и негде было — до поселковой столовой километр, не находишь каждый день, — и принялась закармливать её пирогами да блинами.

— Тётя Клава,— Таня с деланным ужасом смотрела на горку блинов, обильно политых маслом или сметаной,— я уже скоро в дверь не пролезу.

— Да ты ешь, ешь, вон какая тощая-то. Не кормили тебя, что ли, в твоём институте? — ворчала Клавдия, пододвигая тарелку поближе и с жалостью глядя на квартирантку.

В школе встретили её доброжелательно. Большинство преподавателей были пожилые, из молодых — учительница французского и трудовик, муж и жена, да и им было уже лет по тридцать. И появление Тани все восприняли очень хорошо, даже старички — Степан Максимович, учитель истории, и Владимир Григорьевич, математик, — как-то приосанились, стали приходить в школу в галстуках. Таня не сразу привыкла, что её называют исключительно Татьяной Михайловной, даже вне школы коллеги обращались друг к другу по имени-отчеству. Только физрук, Павел Альбертович, мужчина интересный, жгучий брюнет, похожий на испанца, неизменно называл её Танечкой. Его чёрные масляные глаза часто останавливались на Тани, и она смущалась и краснела.

Немного напрягло Таню отношение к ней директора, Елены Львовны. Таня не понимала причины её недовольства, но чувствовала, что чем-то ей не нравилась. В первый же день сделала Тани замечание по поводу её платья. Хотя платье было довольно скромное: чёрное, шерстяное, прямого покроя, по подолу отделано блестящей тесьмой. Такая же тесьма окаймляла рукава. Таня сшила его

специально для первого сентября — праздник, к тому же её первый рабочий день. Но директриса почему-то посчитала его нескромным и, пригласив после торжественной линейки Таню к себе в кабинет, сделала выговор: в школе надо быть скромнее, здесь не дискотека. Пунцовая от обиды и унижения, Таня чуть не плакала, было очень стыдно, что её отчитали, как девчонку-восьмиклассницу. В это время в кабинет вошла незнакомая дама в сопровождении мужчины в рабочей одежде, с большой и, по всему видно, тяжёлой картонной коробкой в руках. Он бухнул коробку на пол и ушел. — Еленочка Львовна, — защебетала дама, не обращая внимания на Таню, — мне тут по знакомству предложили американские консервы, я и на вас взяла. Посмотрите, какие красивые банки, умеют же делать, не то что у нас!

Она вскрыла коробку и, вытащив большую, по виду двухлитровую, банку, показала её директрисе. Та замахала рукой:

— Оставь, потом... потом... Не видишь, я занята.

Таня с удивлением смотрела на женщину, накрашенную как актрёры японского театра кабуки — лицо из-за грима выглядело гипсовой маской. Несмотря на тёплую погоду, она была одета в жилет из чернобурки, на ногах ботфорты, волосы почти оранжевого цвета.

— Познакомься, Эльвира, это наша новая учительница русского языка и литературы Татьяна Михайловна, — директор задвинула коробку с тушёнкой под стол. — А это Эльвира, Эльвира Павловна, наш завхоз и проффор.

Таня вышла из кабинета весьма озадаченная: её платье показалось директрисе нескромным, а как тогда понимать наряд Эльвиры?

Окунувшись с головой в учебный процесс, Таня постаралась забыть этот неприятный разговор. Главное, она нашла общий язык и с коллективом, и с учениками.

Незаметно прошёл год, и вот уже снова первое сентября. Таня по-прежнему жила у тётки Клавы и жизнью своей была в общем-то довольна. Конечно, временами становилось одиноко, но забегал Васька-Рафинад, смешил её своими байками, их у него был неисчерпаемый запас. Иногда они выбирались в клуб или в кино.

В конце сентября начиналась уборка картошки, и школу можно было закрывать — дня три все были на огородах, включая учителей. Таня отпросилась с работы и поехала в город — в библиотеку надо зайти, посмотреть кое-что по педагогике, а больше всего хотелось встретиться с друзьями-поэтами, окунуться в привычную атмосферу поэзии, музыки. Всё-таки ей не хватало общения со «своими».

2.

Васька-Рафинад возвращался с работы в хорошем настроении. Сегодня пятница, значит, вечером

пивка можно с ребятами попить, а впереди целых два выходных! А ещё через три дня праздник — День Победы, с переносом, выходит, четыре дня отдыхаем. Лафа!

Он не был лодырем, но, как известно, любая работа хуже самого плохонького отдыха.

День Победы он считал одним из самых главных праздников, важнее даже, чем его собственный день рождения или Новый год. Задолго до этого дня у него внутри начинало что-то происходить; он с особым вниманием слушал передачи о войне, в программе телепередач искал в первую очередь фильмы про войну, при звуках военных песен ком подкапывал к горлу. Большой поклонник Высоцкого, он больше всего любил стихотворение «Из дорожного дневника»:

Ожидание длилось, а проводы были недолги,
Пожелали друзья: «В добрый путь! Чтобы всё — без помех!» —
И четыре страны предо мной расстелили дороги,
И четыре дороги шлагбаумы подняли вверх...

И далее:

..И в машину ко мне постучало военное время —
Я впустил это время, замешанное на крови...

..И сейчас же в кабину глаза из бинтов заглянули
И спросили: «Куда ты? На запад? Вертайся назад!»
Я ответить не мог — по обшивке царапнули пули,
Я услышал: «Ложись! Берегись! Проскочили! Бомбят!»

Иногда ему казалось, что он сам был на той войне.

..Здесь, на трассе прямой, мне, не знавшему пуль, показалось,
Что и я где-то здесь довоёвывал невдалеке.

Потому для меня и шоссе, словно штык, заострялось,
И лохмотия свастик болтались на этом штыке...

Посёлок готовился к празднику. Всюду висели транспаранты, трепетали на ветру красные флаги. На фасаде техникума на красном полотнище белели слова: «Нельзя построить коммунизм...» — далее транспарант обрывался, не успели, видно, рабочие закончить работу. Вот олухи, чертыхнулся Васька, хотя было невероятно смешно. В воздухе уже витали флюиды инакомыслия, уже втихую посмеивались и над властью, и над чем-то ещё, более серьёзным. Перестройка набирала ход...

В небольшом скверике, как бы отделявшем их улицу от всего посёлка, находился мемориал в честь погибших в Великой Отечественной войне. Памятник сверкал свежей краской, вокруг него всё было расчищено, подметено, жидкие кустики уже пустили бледные клейкие листочки, ещё день-два — и зазеленеют.

Он подошёл к памятнику, прочитал длинный список земляков. Вот и фамилия его деда. В детстве он завидовал друзьям, которые в День Победы гордо вышагивали рядом со своими увешанными наградами дедами, сидели вместе с ними на

гостевой табуне, высюка поглядывая на ребят, которым такого счастья не досталось. В эти минуты Васька ненавидел фашистов больше всех на свете.

Вчера Василий немного опоздал с обеда. Едва вошёл, бригадир накинулся на него: «Тебя что, вся бригада должна ждать? Где шлялся?» — «В профкоме был!» — огрызнулся Василий. «Что ты там забыл?» — «Поручение дали, — вмиг нашёлся Васька; ни в каком профкоме он, конечно, не был, в домино с ребятами резался. — От нас на демонстрацию в День Победы два человека надо отправить». — «М-да, — почесал затылок бригадир. — Есть желающие?»

Желающих не оказалось. Это не прежнее время, когда на демонстрации ходили с радостью, всем коллективом, с семьями, с детьми. Все нарядные, весёлые, песни, танцы, гармошки...

«В профкоме сказали, что надо отправить Майера и Шмидта, — Васька смотрел на бригадира честными глазами, в которых едва заметно плясали чёртики, — сказали, что это ответственное задание можно поручить только им, передовикам производства. Транспарант понесут: „Что русскому хорошо — немцу капут!“ Понесёте, а?» — метнул он взгляд на Сашку и Димку.

Ребята захохотали, те, кто постарше, укоризненно посматривали на Рафинада.

Немцев у них в бригаде, судя по фамилиям, было три человека. Хотя один вообще-то был не немец, а еврей. Они сами, скорее всего, забыли, к какой национальности принадлежат, потому что родились здесь, в посёлке, и их родители тоже, и деды-прадеды. И, кроме фамилий, ничем не отличались от других.

Васька против них ничего не имел, все они были друзья-приятели, а вот не удержался, подколол. Намёк сделал, так сказать. Может, повлиало то, что в последнее время всё чаще стали раздаваться голоса, по-иному освещающие войну и всё, что с ней связано. Иные договаривались до того, что немцы вообще были белые и пушистые и что в случае их победы мы бы сейчас жили прекрасно, пили баварское пиво и жрали сосиски. Слово «немцы» ещё долго будет жить в генетической памяти народа как негативное.

А может, и просто хохма выскочила сама собой, на них Рафинад был большой мастер. Тут как-то смотрел по телевизору футбол, до утра не спал. Но зато какие эмоции: три — один в нашу пользу. Приходит утром на работу, навстречу ему ребята после ночной смены: какой счёт? Сашка Майер спрашивает: «Как наши сыграли?» Васька в ответ: «Ваши? Ваши вчера продули!» Сашка намёк, конечно, понял: вчера Германия проиграла сопернику со счётом два — один, — и хотел обидеться, но смех товарищей был так беззлобен, что он и сам

невольной стал смеяться: ну, Рафинад, подожди, получишь когда-нибудь за свои шуточки.

Недалеко от памятника погибшим воинам был стадион, вернее, спортивная площадка, с волейбольной сеткой и несколькими скамейками. На одной из них кто-то сидел и, судя по всему, плакал. Он подошёл поближе.

— Ты чего ревёшь, Михална?—весело спросил он.—Опять двойку получила?

— Уеду я отсюда, Вася!—Таня сердито вытерла слёзы.

— Ну, ты, мать, чего-то не то говоришь. Уедет она! Конечно, что тут у нас—ни ресторанов, ни театров. Одной грязи только в избытке.

— При чём здесь рестораны?—опять зашмыгала носом Таня.—Надоело всё, одни сплетни да пересуды. Какое они имеют право?..—она залилась ещё горше.

— Да кто они-то? Ну-ка, давай рассказывай, что случилось.

Таня была дежурной по школе. Её класс должен был сейчас находиться на спортплощадке, на физкультуре. Надо зайти в класс, проветрить. Она подошла к двери и услышала какой-то гвалт. Что это? Она открыла дверь. Все ребята были в классе, стоял такой шум, что у неё заложило уши. Дети сгрудились вокруг двух мужчин, один из которых, Павел Альбертович, физрук, громко матерясь, тряс за грудки рабочего Алексея Ивановича.

«Что здесь происходит?—закричала Таня.—Прекратите сейчас же!» Физрук свирепо глянул на Таню и вышел, хлопнув дверью, напоследок бросив сквозь зубы: «Встретимся ещё!»—«Алексей Иванович, подождите меня в коридоре. Так, сядьте все на место»,—Таня утихомирила детей и вышла в коридор.

Рабочий рассказал, что вешал шторы, не успел к началу урока, думал, всё равно физкультура, детей в классе не будет. Тут вошел физрук и, не видя Алексея Ивановича—тот стоял за шторой на подоконнике, стал громко орать на детей, применяя при этом нецензурные выражения. Алексей Иванович спрыгнул с подоконника и одёрнул физрука: что же вы материтесь при детях? Тот в ответ послал и его куда подальше. Он был явно навеселе. Алексей Иванович сказал, что таким, как он, не место в школе, и он доложит руководству об этом случае. «Кому ты доложишь?—заржал физрук.—Руководству? А руководство кто? Не помнишь? Да тебя завтра же не будет в школе!»

Татьяна посоветовала написать докладную записку директору школы, чтобы было всё официально. Она сама не раз слышала нецензурные выражения из уст учителя физкультуры. Причём не только на спортплощадке, но и в стенах школы.

Ей не нравились ухмылочка Павла Альбертовича, его откровенные заигрывания с ней, как бы нечаянные прикосновения. Однажды, зайдя в класс, где она была одна, он полез обниматься, и в этот момент вошла профорг Эльвира. «Извини-и-ите, я, кажется, помешала»,—пропела она своим умильным голоском. Таня готова была провалиться сквозь землю, а ему хоть бы что—видимо, не впервой. После этого случая Таня заметила, что директриса стала относиться к ней ещё прохладнее, делала замечания, выскивала мелкие недостатки в работе, язвила в её адрес—видно, Эльвира постаралась, доложила о том случае. Отомстила. Как-то, проходя по коридору, Таня увидела объявление, написанное от руки: «Имеются два билета в *феролмонию*. Желающим обращаться в профком». Таня красным фломастером исправила «феролмонию» и, зайдя в учительскую, со смехом и возмущением рассказала коллегам про объявление, не сразу заметив Эльвиру. Та фыркнула, и с тех пор демонстративно отворачивалась при виде Тани. И вот подвернулся удобный случай отплатить—как не воспользоваться?

Что Павел Альбертович был мужем директрисы, Таня уже знала. Никто не хотел с ним связываться, и всё-таки пора положить этому конец! На ближайшем же педсовете она поставит вопрос о его поведении. И поставила, только сама же и осталась в дураках. Этот негодяй заявил при всех, что это она, Татьяна Михайловна, крутила шуры-муры с рабочим прямо в классе, при детях, а когда он, Павел Альбертович, сделал им замечание, работяга полез в драку... «Татьяна Михайловна, вам следует больше уделять внимание учебному процессу, а не чужим мужьям,—не глядя на Таню, железным голосом заговорила директриса.—Я бы хотела послушать мнение коллектива». Она переводила взгляд с одного на другого, но все молчали. Лицо Тани пылало огнём, было невыносимо стыдно. Директриса продолжала метать гром и молнии, но Таня даже не понимала, что она говорит. В результате ей объявили выговор. Выходя из директорского кабинета, она заметила наглую ухмылку физрука и злорадную улыбочку Эльвиры. Коллеги прятали глаза.

— Уеду я отсюда, Вася,—плакала Таня.—Опозорили меня перед всеми, ещё до родителей дойдёт—как я буду в глаза им смотреть!

— Ну-у-у, прямо так уж и уедешь. Как мы тут без тебя будем? Ведь пропадём,—по привычке балагурил Васька, а у самого чесались кулаки.

Нет, надо проучить эту парочку! Такую девчонку обидели, гады!

Проводив Таню, Васька не стал заходить домой, а направился к поселковому медпункту, окна которого ярко светились в темноте. Фельдшерица Люда, в накрахмаленном белом халате, что-то

писала, сидя за столом. В комнате всё было ослепительно-белым, чистым, пахло лекарствами и зеленью — в стакане стояли несколько тополиных веточек с крошечными клейкими листочками.

— Что, Вась, заболел? — Любочка подняла глаза от бумаг. — Температура? Или приступ лени?

— Да нет, здоров я. Ты это... у тебя шапочка ещё такая есть? — он кивнул на её белый медицинский колпак.

— Вась, а ты правда не заболел? Зачем тебе шапочка?

— Концерт готовим к празднику, я там врача играю. — А-а-а, ну так бы и сказал, — Люда открыла шкафчик и достала оттуда шапочку. — Вот, бери, артист. Приду на концерт обязательно.

Васька хмыкнул и, послав Любочке воздушный поцелуй, вышел в ночь. Так, надо бы ещё в клуб к Витькú зайти. Витёк, художник, электрик и Васькин приятель в одном лице, писал белой краской на красном полотнище остальные слова к лозунгу «Нельзя построить коммунизм...». Резко пахло ацетоном, все углы, подоконники, табуретки были заставлены банками с красками, валялись в беспорядке кисти, тряпки, пустые бутылки.

— Я красочки маленько отолью, надо кое-что подкрасить дома, — попросил Васька.

Витёк, не отрывая взгляда, махнул рукой: да бери сколько хочешь. Ему было не до приятеля: кровь из носу надо было закончить лозунг к застрашному дню.

В домах давно уже погасли огни, только в школе, на первом этаже, светились два угловых окна. За столом сидела Эльвира, копалась в бумагах. В школе ни души, даже сторожа не слышно, спит уже, небось, где-нибудь в укромном уголке. Давно надо было уйти домой, но она не торопилась. Кто её там ждёт, дома-то? Даже кошки нет. Она то и дело поднимала голову, прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы. Проехал мотоцикл, она встрепенулась было — нет, мимо. Придёт или нет? Днём Павел Альбертович, улучив момент, шепнул ей, чтобы ждала вечером. Она-то ждёт, а он что-то не спешит. На часах уже пол-одиннадцатого, в шкафу застоялась бутылочка хорошего вина, сохнут нарезанные колбаска, сыр, а его всё нет и нет. Она достала вино, долго возилась с пробкой, открыв, хотела выпить, но раздумала — не хватало ещё одной пить, она не алкоголичка какая-нибудь. Вообще, ей всё это надоело: сколько можно встречаться украдкой? Она понимала, что с женой он никогда не разведётся, она не выпустит его из своих цепких коготков, гиена и есть гиена. Не зря же ребяташки дали ей такое прозвище. «Гиена Львовна, — хохотнула Эльвира. — Неплохо звучит. Главное, точно!» Тут ещё эта выскочка городская! Она не слепая, давно заметила, что он положил на новую училку глаз... Сегодня сразу

убила двух зайцев: теперь Танька будет обходить Павла за три версты, и от себя отвела подозрения. Она снова взялась за бутылку, повертела в руках: может, всё-таки выпить? Или ещё подождать? Она поставила бутылку на край стола, и та с грохотом свалилась на пол. В коридоре послышались шаги: Павел? А может, сторож услышал? Дверь скрипнула. Она подняла глаза и в чёрном проёме двери увидела страшную белую рожу: огромные глаза с кровавыми веками, оскаленный рот, из которого стекала густая струя крови.

Она стала подниматься из-за стола, хватая воздух широко открытым ртом, отмахиваясь руками от страшного гостя или гостии. Свет в кабинете погас, и в тишине раздалось зловещее:

— Ха-ха-ха!

Теряя сознание, она сползла на пол...

Васька, а это был, конечно, он, стащил с себя страшную маску, посветив фонариком, нашёл что-то в укромном месте за школьной мастерской и направился к дому директора. В доме не светило ни одно окошко, было уже довольно поздно. Рыкнула была собака, но он кинул ей заранее припасённый кусок колбасы, и та замолчала. Да и Ваську она хорошо знала: чего же зря лаять? Оглядевшись, он увидел мотоцикл, накрытый брезентом, — физрук гордился своим «конём» и берёг его пуце глаза. Поминутно оглядываясь на тёмные окна, Васька долго копался возле мотоцикла, чем-то тихонько гремел. Наконец он закончил работу и, довольный, отправился домой.

Утром, идя на работу, народ был крайне удивлён и озадачен странной картиной: по дороге, как всегда, на бешеной скорости мчался Павел Альбертович на своём мотоцикле, а сзади громыхали на привязанной к багажнику верёвке два старых ведра, метла, колесо от велосипеда, ещё что-то дребезжащее, издающее невыносимый грохот. Физрук был в шлеме и, видимо, не слышал ни грохота, ни хохота учеников, спешащих на уроки, и не замечал ошарашенных прохожих. Резко затормозив возле школы и сняв шлем, он наконец понял, что стал посмешищем в глазах людей.

В посёлке ещё долго обсуждали это происшествие, судили-рядили, кто бы мог это сделать. Решили, что, скорее всего, ученики поозорничали.

На вопрос фельдшера Любочки, когда он вернёт шапочку, Васька только посмеивался и отвечал, что где-то её потерял.

Холодным осенним вечером Таня возвращалась из школы. Улица была совершенно пустынной, не горел ни один фонарь — фонари, если их даже и включали, тут же разбивали местные хулиганы. Она устало передвигала ноги, с трудом вытаскивая сапоги из густой жижи. Третий год месит она непролазную грязь — километр утром и километр вечером, из дня в день, в любую погоду. Дорога вся

в рытвинах, ухабах, ни одна машина не пройдёт, обе автобусе можно только мечтать. В домах кое-где светились огоньки, люди рано ложились спать, а кто-то просто экономил электричество—времена наступили безденежные. Темнели бочки, которыми так восхитилась Таня в свой первый приезд в городишко. Она думала, что это противопожарные средства, а оказалось, что жители выставляют на них продукты для продажи проезжающим. И в зной, и в холод стояли бедные женщины у этих бочек, пытаясь продать бутылку молока или кочан капусты. Мужики этим не занимались, они пили. Работы не было. Дети ходили в школу в старой, заношенной одежде, а некоторые вообще бросили учиться.

Она уже подходила к дому, когда из-за бочки, стоящей у соседнего дома, отделилась какая-то фигура и направилась ей наперерез. За ней вторая. Таня хотела их обойти, но они преградили ей дорогу.

— Ну что, красавица, давай знакомиться! Я Валентин, а это Толик, брат мой. Не знали мы, что тут такая красотка появилась,—от него несло перегаром, речь его была невнятной.

Таня резко отшатнулась и попыталась пройти мимо. Она уже поняла, кто это. Несколько дней назад в магазине она встретила соседку Тоньку с двумя парнями под ручку. Обычно растрёпанная, не стеснявшаяся показаться на людях в халате, в тапочках, на это раз она была в нарядном платье с люреksom и в парике. Один из парней был высокий, тощий, некрасивый, с вислым носом, какой-то весь полинялый. Второй—пониже ростом, довольно симпатичный, черноглазый. Оказалось, вернулись из колонии после пятилетней отсидки её сыночки, угодившие туда за разбой. «Ну, теперь весело будет,—шушукет женщины у магазина,—пожили пять лет спокойно, теперь опять начнёшься». Тонька, гордо вышагивая, не обращала никакого внимания на осуждающие взгляды. В первый же день молодцы, перепив на радостях, решили напоить свою собаку Жучку, которая ждала щенят и с трудом передвигалась, таща за собой отвисшее брюхо. Они насильно влили ей целый стакан водки, отчего бедная животина к вечеру скончалась. Они похоронили её за огородом и снова напились, устроив поминки.

Длинный, видимо, он был старший и верховодил, обнял Таню за плечи и не давал пройти. Младший глупо хихикал.

— Приглашаем отметить наше возвращение,—длинный тянул её в сторону сквера.—Толян, сбегай домой, захвати бутылочку и чего-нибудь закусить.

— Ага, я сбегаю, а ты тут с этой кралей...—бормотал Толян.

Он был совершенно пьян. Таня, пытаясь вырваться, ударила старшего портфелем, но удар

был слабым и не принёс никакого вреда нападавшему. Но он вдруг озверел и, размахнувшись, ударил её по лицу. Таня почувствовала, что по лицу потекла тёплая кровь, и закричала. А он, зажимая ей рот, пытался оттащить её с дороги в кусты. В доме напротив хлопнула дверь, и через минуту Таня почувствовала, что кто-то оторвал от неё нападавшего, и тот уже лежит, уткнувшись в грязь лицом. Рядом на карачках ползает второй. А Васька—конечно же, это был он,—напоследок поддав им хорошенько, ведёт её к своему дому. Почти у самого крыльца их догнал длинный, в руке у него блеснул нож. Василий, подтолкнув Таню к крыльцу, повернулся к нему:

— Давай кончай, Валька, а то ещё получишь...—он не договорил и, вскрикнув, упал в грязь.

Длинный, не удержавшись на ногах, тоже упал прямо на Василия и продолжал наносить ему удары ножом, страшно матерясь. Подскочил Толян и стал тоже избивать парня ногами, метя в голову. Таня закричала не своим голосом, захлопали двери, набежали люди. Братьев скрутили, кто-то побежал звонить в скорую, в милицию. Василия увезли. Он был без сознания. Мать его выла и голосила на всю улицу.

Василий был на грани жизни и смерти. Сотрясение мозга, переломы, заражение крови—грязь попала в многочисленные раны. Врачи сделали всё что могли, но никакой гарантии не давали. Таня день и ночь просиживала в больничной палате, мать его совсем обессилела от горя, и от неё было мало толку.

Слава Богу, он всё-таки выкарабкался, хоть и дали инвалидность на год. Наступила весна, и он сидел возле дома на лавочке, худой, бледный, тихий. Казалось, трагедия навсегда изменила его, не стало больше балагура, весельчака, хохмача. Но не тут-то было: скоро он как ни в чём не бывало опять носился по посёлку, рассказывал больничные байки, смешил народ и сам хохотал над ними.

Только с Таней он стал общаться как-то холоднее, да это и понятно, думала она. Чуть не погиб из-за неё! Виновата, безусловно, она. Ей казалось, что все в посёлке осуждают её, а больше всех—мать Василия. Она хотела даже сменить квартиру, но постепенно всё как-то успокоилось, позабылось—постоянно случались какие-то происшествия, правда, не такие трагические, и люди быстро переключались на них, забывая о прежних. А через год уже никто и не вспоминал про этот случай: мало ли драк среди деревенских парней? Чуть ли не каждый выходной устраивают побоища.

Приближались зимние каникулы. Домой ехать было далеко, одна дорога всё время съест, и Таня решила отдохнуть в каком-нибудь пансионате или профилактории. Купила путёвку в профилакторий недалеко от их городишко, принадлежащий

крупному областному предприятию. Путёвка была на восемнадцать дней, пришлось взять несколько дней без содержания.

Профилакторий находился в живописном месте, на берегу озера, с трёх сторон окружённого сопками, поросшими хвойными деревьями. Снег был такой белизны, что слепило глаза. Сосны и ели в белых пушистых шубах, ночное небо, усыпанное звёздами — в городе таких не увидишь, — всё напоминало сказку. Так и казалось, что сейчас из-за деревьев выйдет Дед Мороз или выбежит Серый волк с Василисой Прекрасной на спине.

Таня вышла на балкон и подолгу стояла, не замечая холода. Какие-то ещё неясные, неоформленные строки, образы мелькали в уме, она уже предчувствовала, что скоро родится очередное стихотворение, и от этого было радостно и немножко тревожно.

Не хотелось делить своё одиночество ни с кем, но номер ей достался на двоих с женщиной, как оказалось, тоже поэтессой.

Поэтесса была далеко не первой молодости. Об этом говорили обвисшие щеки, морщинистая, словно гофрированная, верхняя губа, красные прожилки вокруг носа, хотя следы несомненной былой красоты сохранились.

Высоко взбитая причёска, ярко подведённые глаза, высокие каблуки говорили о том, что она никак не хочет смириться со временем. Увидев её в первый раз, Таня улыбнулась. Королева Шантеклера какая-то, со своими перьями, блёстками, веером в руках...

— Виолетта Владиславовна, — представилась она при знакомстве. — Можно просто Виола.

«Ну конечно же, а как же иначе могут звать поэтессу?» — усмехнулась про себя Таня.

По утрам Виолетта выглядела непрезентабельно: отёкшая, с всклокоченными редкими волосёчками, шумно дышащая. Потом начинала приводить себя в порядок: водружала на голову шиньон, красилась, накладывала густые зелёные тени, выбирала многочисленные банты, брошки, бусы, примеряла платья. В голосе появлялись светские нотки, и когда она выходила на публику, трудно было узнать в этой даме старую немощную женщину. Таня посмеивалась про себя: у каждого свои тараканы в голове. Тётка была неплохая, но Таня иногда уставала от бесконечных рассказов о бесчисленных мужчинах, которые в прошлом домогались её любви. Упоминались известные писатели, поэты, сильные мира сего, и с каждым разом планка поднималась всё выше.

По вечерам отдыхающие собирались в фойе перед телевизором. Виолетта занимала место в кресле, стоящем в углу, под пальмой, и сидела как королева на троне, обмахиваясь веером; роскошная шаль скрывала её расплывшуюся фигуру. Вокруг собирались слушатели. В очередной раз

мадам рассказывала о своей родословной. Оказывается, она была княжеского рода. Её предки были то сподвижниками Петра Первого, то вообще становились прямыми потомками Ильи Муромца.

Развлечений, кроме телевизора и танцев, в профилактории не было. Но Тане это даже нравилось, хотелось отдохнуть в тишине, почитать, помечтать. Никак не складывались в единое целое строчки, навеянные зимней сказкой. К тому же мешал какой-то грохот наверху, прямо над их номером что-то падало, тяжёлое, металлическое, как будто бросали на пол штангу. «Спортзал там, что ли?» — думала Таня. В один из вечеров она не выдержала и, как была, в халатике, решительно направилась на второй этаж. Из-за двери слышались громкие голоса, несло табачным дымом и раздавались всё те же странные звуки. Она постучалась, но никто не ответил. Толкнув дверь, она вошла в прокуренное помещение, оказавшееся небольшим залом, в центре которого стоял бильярдный стол. Трое играющих мужчин не обратили никакого внимания на Таню, они её просто не заметили. Сопровождая каждый удачный удар громкими возгласами, они кружили вокруг стола, выискивая удобную позицию. Шар, попадая в лузу, не задерживался в дырявой сетке и с грохотом падал на пол.

Таня, постояв несколько секунд и не зная, как обратить на себя их внимание, взяла и просто выключила свет. Раздались удивлённые возгласы, кто-то двинулся в сторону двери, стал нашаривать рукой выключатель и наткнулся на Таню.

— Что такое? Кто здесь?

Таня включила свет. Игроки ошарашенно смотрели на Таню: кто это?

— Вы кто? Зачем вы выключили свет? — молодой светловолосый мужчина смотрел на Таню. — Вы комендант, что ли?

— А вы что, не понимаете, что мешаете отдыхать людям?

— И чем же мы помешали людям?

— А тем, что уже поздно, а вы всё стучите и стучите. Скоро потолок проломите!

— Девушка, да где же поздно? Десятый час всего. Мы режим соблюдаем.

— А вы не подумали, что многие пожилые люди уже ложатся спать в это время?

— Ну, извините, девушка, конечно, в вашем возрасте уже пора спать, девять часов как-никак, — светловолосый насмешливо смотрел на неё.

— Да вы к тому же ещё и нахал! — Таня, кипя возмущением, громко хлопнув дверью, отправилась к себе.

Лёжа в постели, она уже ругала себя: зачем ввязалась в эту историю! Разве им что-то докажешь, мужланам невоспитанным?.. И этот ещё, смотрит так нагло...

Наверху было тихо. «Ага, испугались всё-таки, что пожалуюсь...»

Не спалось. Попыталась сложить неподдающиеся строчки, но ничего не получилось. В окно молча смотрели звёзды. Похрапывала на своей кровати Виолетта.

В столовой профилактория было самообслуживание. Таня с Виолеттой, стоя в очереди, разглядывали меню и тихо переговаривались.

— Суп из баранины «Юбилейный», — громко прочитала какая-то женщина. — Интересно, а почему юбилейный?

— Барану пятьдесят лет исполнилось, — ответил весёлый мужской голос.

Очередь расхохоталась. Таня оглянулась и увидела, что за ней стоит тот самый нахал вчерашний. Он, оказывается, ещё и остряк. Она сердито отвернулась; слава Богу, кажется, он её не узнал.

После обеда, не зная, чем заняться, она взяла моток пряжи, крючок (собиралась во время отдыха связать что-нибудь, да так и не собралась пока) и направилась на второй этаж, в бильярдную. Пока никого нет, она заштопает дырявые сетки, у администрации профилактория, видимо, нет времени на это.

Осталось зашить последнюю сетку, когда вдруг распахнулась дверь, и в бильярдную вошёл тот самый, светловолосый. Таня с досадой прикусила губу. Этого ещё не хватало! Общаться с ним не было никакого желания. Хотя с чего она взяла, что ему с ней захочется общаться?

— О, какая приятная встреча! — воскликнул он. — А я утром в столовой не сразу вас узнал, подумал, просто похожа на вчерашнее привидение в халате... Оказывается, это точно вы. Ну что, давайте знакомиться, раз уж судьба свела. Я — Андрей. — С чего вы решили, что я хочу с вами познакомиться? — сердито спросила Таня.

— А разве нет? Я вам не нравлюсь?

— Нет! — отрезала Таня, и, завязав последний узелок, вышла.

До конца путёвки оставалась ещё неделя. Виолетта хлопотала о проведении своего творческого вечера. В фойе появилась афиша с портретом Виолетты в молодом возрасте, с неизменным бантом на голове, извещавшая о данном мероприятии. Виолетта уговаривала Таню принять участие к вечеру, но Таня категорически отказывалась, она не любила публичности и даже то, что пишет стихи, особо не афишировала. А уж выступать на публике — это вообще не её.

Актный зал профилактория был полон. По телевизору окончился сериал, новый ещё не начался, поэтому почти все отдыхающие были здесь. Таня сидела в первом ряду, они договорились с Виолеттой, чтобы та, глядя на знакомое лицо, чувствовала себя уверенней на сцене. Хотя уверенности ей было не занимать.

Поэссеса рассказывала о своём творческом пути, читала стихи, показывала видео с песнями на свои произведения. Зрители от души хлопали в ладоши, Виолетта была счастлива. Таня искренне радовалась за неё.

Виолетта, поблагодарив публику за внимание, вдруг сказала:

— Дорогие друзья, в нашем зале находится ещё одна замечательная поэтесса (Таня усмехнулась: ещё одна), зовут её Татьяна, и я прошу её подняться на сцену и почитать свои стихи.

Счастливая Виолетта не боялась поделиться своим триумфом с другими.

Публика стала хлопать, Таня, смутившись, сидела ни жива ни мертва: ну зачем так, Виолетта? А та продолжала настаивать:

— Ну что же вы, Танечка?! Просим, просим!

Таня отнекивалась — и вдруг поймала насмешливый взгляд этого... как его... Андрея, что ли? Ах, так? Она поднялась на сцену, но вдруг поняла, что не сможет произнести ни одного слова. Все стихи вылетели из головы, она буквально не помнила ни одной строчки. Публика хлопала в ладоши, слышались смешки, она готова была провалиться сквозь землю. Потом, собравшись с духом — всё-таки она была учительницей и умела овладеть вниманием, по крайней мере, детей, — пролепетала что-то невнятное и опомнилась только на своём месте. Когда туман перед глазами рассеялся, она увидела, что на сцене стоит её новый знакомец, или, вернее, незнакомец, что-то читает, зал аплодирует, за ним поднимается ещё кто-то... Вечер, по всему видно, удался. Разумеется, главной героиней была Виолетта.

Таня, стараясь быть незамеченной, выбралась из зала. Никто не обратил на неё внимания — все были заняты происходящим на сцене. Надев куртку и сапожки, она вышла на улицу. В чёрном бархатном небе сияла невероятно большая луна, мерцали звёзды, заснеженный лес казался волшебным, как на новогодней открытке. Она пошла по расчищенной аллее, удаляясь всё дальше от освещённого входа. «Луна, моя подруга, ты, как и я, одна, — складывались в голове строчки, — ждешь не дождешься друга, а ночь темным темна...»

Вдруг ей послышалось, что кто-то идёт вслед за ней. Стало страшно: куда она это забрела, ночью, одна?

— Не страшно гулять одной? — раздался уже знакомый голос.

Она оглянулась. Так и есть. Опять он.

— Вы что, меня преследуете? — сердито спросила Таня.

— Ну что вы! Просто вышел прогуляться, подышать свежим воздухом.

— Ну и гуляли бы где-нибудь в другом месте!

— А это что, ваши владения? В таком случае простите великодушно, сударыня!

Таня, не отвечая, ускорила шаг. Но он не отставал.
— Таня, — он тронул её за плечо. — Я ведь не ошибаюсь, вас Таней зовут? Почему вы такая колючая? Просто ёжик какой-то! Я вас чем-то обидел?
— Не люблю назойливых людей, — отрезала она. — Всего хорошего!
— Кстати, спасибо за сетки! — успел крикнуть он, прежде чем она скрылась за дверью.

Счастливая Виолетта уже давно похрапывала, а Таня никак не могла уснуть. Пыталась что-то сочинять — бесполезно, ничего не лезло в голову. Читала про себя стихи, она любила это делать и, кстати, никогда поэтому не скучала, если приходилось ждать, например, поезда или стоять в очереди. На этот раз ничего не помогало — перед глазами всё время всплывало красивое лицо этого... этого... красавчика... его слова... Колючая она, видите ли! Да никакая я не колючая. Стало так жалко себя: никто её не понимает, никто не любит... Хотелось плакать.

3.

— Сына, ну что это такое? Опять Марина Юрьевна на тебя жаловалась, — Таня старалась говорить строго, хотя сердце её переполняла нежность к сыну. — Плохо себя ведёшь, не хочешь кашу есть...
— Не кашу, а запеканку, — уточнил сын. — Да если бы ты её сама попробовала, тоже не стала бы есть.
— Ну как же я её попробую? — устало сказала Таня. — Я же в садик не хожу.
— Да вот она, у меня в кармане, — Дениска выгреб из кармана кусок слипшейся массы серого цвета.

Татьяна ахнула. Только сейчас она заметила, что на шортах сына расплылось жирное пятно. Теперь не отстирать, придётся новые покупать. Она вздохнула. Ну Дениска, ну удружил. Каждый день какой-нибудь сюрприз! А что в школе будет?!

Недавно на занятиях воспитательница предложила придумать слово из букв «а», «к», «л», «о», «ш». Большинство детей сложили слово «школа», а Денис — сразу два: «школа» и «олкаш». Чуть со стыда не сгорела!

— Ой, — прервал её мысли громкий крик Дениса, — мама, смотри, моя белка!

Они шли по аллее одного из многочисленных сквериков, разбросанных там и тут среди многоэтажек их таёжного городка. При строительстве оставляли нетронутыми участки тайги, и они прекрасно вписались в городской ландшафт и стали излюбленными местами для прогулок. Белки, бурундучки, обитающие в них, привыкли к людям и совершенно их не боялись.

На одной из скамеек сидел пожилой мужчина и кормил белочку. Испугавшись крика, она мигом взлетела по стволу сосны и сидела там, с любопытством разглядывая людей.

— Белочка, белочка, спускайся, — звал Денис, — я тебе угощение принёс!
— Это не та белочка, — сказала Таня, — наша хуленькая, а эта смотри какая упитанная!
— А может, она уже потолстела, я же её кормил!
— Ну как же она могла за три дня потолстеть, Денис?.. Пойдём скорее, нам надо ещё в магазин зайти...

Дениска побежал по аллее, громко крича:
— Белочка, моя белочка, ты где? Иди сюда! Я тебе еды принёс! Белочка, которая голодная, ты где?

Впереди по аллее шли мужчина и женщина, держа за руку мальчика такого же возраста, как Дениска. Дениска вдруг остановился как вкопанный, потом кинулся вслед. С криком:
— Папа! — он догнал идущих и повис на мужчине.

У Тани сжалось сердце: это был Андрей со своей новой семьёй.

Женщина с мальчиком молча стояли в сторонке, потом мальчик сорвался с места и стал отгаскивать Дениску от отца.

— Это мой папа! — Денис пинал пацана. — Это мой папа!

— Нет, это мой папа, мой! — не отпускал его мальчишка.

— Папа, скажи ему! — сквозь слёзы кричал Дениска. — Папа, скажи ему!

Андрей, оглянувшись на женщину, оторвал от себя Дениса и, подтолкнув его к Тане, процедил:
— Иди к маме.

Взяв за руку ревевшего мальчишку, он быстро пошёл по аллее, и вскоре тройца скрылась за поворотом...

Денис наконец заснул. Спал беспокойно, вздрагивал, всхлипывал, потом постепенно успокоился и задышал ровно. Таня закрылась в ванной и долго плакала там, стараясь не рыдать громко.

Она уже свыклась с тем, что Андрей ушёл из семьи, но сегодняшняя встреча вновь всколыхнула обиду — не столько за себя, сколько за сына. Бедный ребёнок! Пусть разлюбил её, Таню, но сын! Как можно было предать свою родную кровиночку?! Таня представила, что испытал Дениска, увидев своего папу с чужим мальчиком, и волна гнева и отчаяния захлестнула её.

Сквозь шум воды она услышала настойчивый звонок телефона. Кто это так поздно? И вдруг её словно обожгло: это, наверное, Андрей. Может, решил вернуться? Может, совесть замучила, хочет поговорить с сыном, сказать, что любит его, родного и единственного? Она, чуть не упав на мокром полу, схватила телефон.

— Алло, алло! Андрей, ты?
— Нет, это не Андрей. Это я, Таня, Василий.
— Какой Василий? — Таня не сразу сообразила, кто это.

— Василий, сосед твой, Данифар Рахас, помнишь? — хохотнул в трубку голос.

— Вася! — обрадовалась Таня. — Откуда ты взялся? Ты же где-то на Севере!

— Да приехал вот... Ну как ты? Как поживаешь? Никто не обижает? Ты скажи, если что — составим список и ликвидируем по одному! — как всегда, балагурил он. — Надеюсь, найдёшь как-нибудь пару часиков для старого друга. Если, конечно, муж разрешит.

Таня хотела ответить расхожей фразой «муж обьелся груш», но промолчала — потом всё расскажет.

Она до сих пор испытывала вину перед Василием и надеялась только, что он давно забыл обо всём. Как забыл или не помнил вообще всё, что произошло ещё раньше, в больнице, когда он умирал после ранения. Вернув Василия с того света, врачи, однако, не скрывали от родных, что дело может кончиться печально. Таня вместе с его матерью день и ночь дежурила в палате. Она понимала, что виновата, если бы не она, Василий сейчас бы бегал по улицам родного посёлка, хохмил, играл в футбол и сочинял свои смешные стихи. А вместо этого лежит сейчас вот здесь, без сознания, и неизвестно, чем всё это кончится.

В один из пасмурных дней в окно заглянуло редкое уже солнце. Луч света пробежал по его лицу, и он вдруг открыл глаза. Таня испуганно вскрикнула, хотела разбудить дремавшую мать, но он что-то прошептал, и она поближе нагнулась к его лицу. «Таня, — едва слышно прошелестел его голос, — я тебя люблю. Всегда любил...» — «И я, и я тебя люблю, Вася!» — в ответ зашептала Таня сквозь слёзы. Она страшно испугалась: наверное, он умирает, она слышала, что перед смертью человек может прийти в себя, чтобы сделать или сказать то, что не успел при жизни. «Таня, — ты... ты выйдешь за меня?» — едва различала она его шёпот. Сердце сжималось от горя: Васька, Васька, верный мой защитник, порой смешной, порой надоедливый... Неужели он умрёт? И она, только она будет виновата в его смерти. «Да, да, Васенька, ты только выздоравливай скорей, и мы поженимся, только не умирай». Но он уже не слышал её — снова впал в забытьё.

К счастью, всё закончилось благополучно. Он ни разу не напомнил Тане о данном ею обещании, да, наверное, и сам не помнил этого. По крайней мере, так хотелось думать Тане, она не знала, что делать, если он заведёт об этом разговор.

Он ничего не сказал, и когда узнал про Андрея. Только стал реже попадаться ей на глаза. Да ей тоже было не до него: отношения с Андреем развивались так стремительно, так поглотили её целиком, что мир вокруг перестал для неё существовать.

А Андрей вдруг исчез. Уже второй месяц ни звонка, ни слуху, ни духу. Таня терлась в догадках,

пробовала его искать через знакомых — никто ничего о нём не знал.

Она внешне вела привычную жизнь: школа, ученики, тетради, контрольные, педсоветы, — а внутри у неё всё кровоточило. Она не понимала, что произошло. А может быть, с ним случилось что-то страшное? Но что? Или... он испугался, когда узнал, что она ждёт ребёнка?

Время шло, она по-прежнему ничего о нём не знала. Плакала ночами, понимая, что скоро станет предметом для пересудов, и подумывала уволиться, но совесть не позволяла сделать это до конца учебного года.

«Тань, — услышала она как-то знакомый голос, — ты чего такая смурная?» Задумавшись, она стояла у калитки и не заметила, что Василий уже долгое время наблюдает за ней со своего крыльца. Она ничего не ответила, слёзы душили её. Василий пошёл, внимательно посмотрел на её осунувшееся лицо. «Что случилось, Танюша?» И вдруг ей так захотелось пожаловаться кому-то, поплакаться в жилетку! И, уткнувшись в его свитер, судорожно всхлипывая, она рассказала ему всё. Он не проронил ни слова, только сердце его забилося, как пойманная птица, и дыхание стало прерывистым, рынаным. Танина хозяйка выглядывала в окошко, мимо проходили какие-то люди, и Василий чуть ли не силой увёл её в сторону парка. «Что мне делать, Вася? Ведь все скоро узнают, позору не оберёшься!» — «Что делать, что делать, — грубовато сказал Василий, — выходи за меня замуж. Ведь ты же обещала тогда, в больнице». Она, охнув, отстранилась от него. Оказывается, он всё помнил! «Ты что говоришь?! Что ты такое говоришь?! — закричала она. — Ты издеваешься надо мной, что ли? Как я могу выйти за тебя, ведь я жду ребёнка от другого!» — «А лучше будет, если весь посёлок узнает? Да тебя с грязью смешают, ты что — не понимаешь? Мы зарегистрируемся, и все подумают, что ребёнок мой...» Она молчала, совершенно оглушённая этими словами. «Я же люблю тебя, ты знаешь, — Василий робко взял её за руку, — с первого дня, когда тебя увидел, влюбился без памяти...» Она отняла руку. «Нет, Вася, я не могу, ведь ты меня просто жалеешь». — «А если и жалею — разве это плохо? Людям надо жалеть друг друга...»

Она встала со скамейки — пора домой, уже поздно. Но он удержал её: «Подожди. Давай так: мы поженимся, но если ты не хочешь со мной жить как муж и жена, то... я всё равно... Я не буду настаивать, но я должен защитить тебя от злых языков. Поживём, а там видно будет...»

Ночью, лёжа без сна, Таня обдумывала предложение Василия и понимала, что никогда на него не согласится. Прежде всего потому, что уважала и любила его как друга и так унижить его не могла. Пусть останется всё как есть. Она должна выпить

свою чашу позора, обиды и одиночества сама. При чём здесь Вася, добрый, бесхитростный человек, настоящий друг? Она не будет портить ему жизнь.

Утром, выйдя из калитки, она увидела Василия, поджидавшего её. «У тебя паспорт с собой?» — спросил он. Она кивнула. «Тогда иди отпросись с работы, поедem в город, в загс».

О своём решении они никому не стали пока говорить, кроме матери Василия. Та не сильно обрадовалась этому известию, из-за неё она чуть не потеряла сына. Таня понимала это и не обижалась.

Василий ходил окрылённый. Таня — внешне не показывала свои страдания, но сердце её было неспокойно, мучила совесть. Она любила Андрея и верила, что он объявится и всё будет по-прежнему.

Он появился в посёлке перед самым Новым годом — и всё встало на свои места. Таня, ни минуты не раздумывая, уволилась с работы и уехала с ним.

Василий, как она потом узнала, тоже уволился и уехал на Север. Она, счастливая, и не вспоминала о нём все эти семь лет, и вот он снова напомнил о себе. Как-то так получалось, что он всегда оказывался рядом, в самый трудный момент. Она раньше об этом не думала, просто принимала всё как должное: есть друг, товарищ, который всегда поддержит, поможет, спасёт. А все годы своей счастливой семейной жизни она и не нуждалась в чьей-то посторонней помощи.

А счастливая семейная жизнь внезапно рухнула. В то беспокойное время «лихих девяностых» рухнуло многое: и страна, и привычный уклад жизни, и семьи... Люди теряли работу, не могли найти себя в новых реалиях, годами не получали зарплату, спивались. Андрею повезло, после закрытия завода он устроился в одну из фирм, помощником хозяина, его давнего знакомого. Всё складывалось хорошо. Таня тоже продолжала работать в школе. Одно ей не нравилось: Андрей всё чаще стал приходить домой навеселе. Начальник его был абсолютным трезвенником, и когда предстояла какая-нибудь деловая встреча, где всё всегда заканчивалось выпивкой, он отправлял вместо себя Андрея. Тот вначале неохотно принимал участие в таких мероприятиях, но со временем втянулся, обзавёлся нужными знакомствами, стал вхож в городскую элиту. Несколько раз побывал за границей, откуда привозил Тане и сыну подарки, — внешне всё было хорошо, многие им завидовали. Но Таня всё чаще оставалась дома одна с сыном и порой не знала, где муж и что с ним.

Предприниматели города организовали какой-то свой выездной то ли семинар, то ли просто «междусобойчик», который должен был проходить на круизном теплоходе, курсировавшем по реке Амур — ближе, видимо, реки не нашлось. Через две недели Андрей вернулся отдохнувшим, помолодевшим и каким-то новым, не похожим на себя. Домой приходил, как всегда, поздно,

уставший, сразу ложился спать, даже не поиграв с сыном. Спиртным от него не пахло, и Таня была очень довольна. Но временами что-то не давало ей покоя, она сама не знала — что. Он стал молчаливым, задумчивым, о поездке рассказывал неохотно, а если рассказывал, то в его разговорах всё чаще стала упоминаться какая-то Галя: Галя то, Галя сё... «Что за Галя? — спросила она однажды. — Ты так часто о ней говоришь». — «Какая Галя? — огрызнулся он. — О чём ты?» Но больше о поездке не вспоминал.

Всегда найдутся хорошие люди, чтобы открыть глаза ближнему. Вот и Тане доложили, что часто видят Андрея с Галиной, владелицей самого большого магазина в городе. Сердце сжалось от недоброго предчувствия, но она взяла себя в руки: ну видят, ну и что? Они же деловые партнёры, вот и встречаются. Но в сердце появилась тревога: а вдруг правда? И она решила не прятать голову в песок, а спросить мужа напрямик. Андрей тоже не стал юлить: «Да, у меня появилась другая женщина, я её люблю». — «А как же я? Как же Дениска?» — Таня не могла поверить своим ушам. Наверное, он её разыгрывает, ведь он так любит сына. Муж пожал плечами: «Я хочу начать новую жизнь. Сыну буду помогать».

Со временем Таня свыклась с мыслью, что Андрей разлюбил её: что ж, бывает. Хотя сердце болело и кровоточило ещё долго. И вот сегодня эта встреча. Обиднее всего было за сына. Как он мог?! Как такое может быть? Ведь это его родная кровиночка. Когда родился Дениска, он был совершенно счастлив. Сам купал его, гулял с ним, вставал ночью менять пелёнки. Когда сын подрос, стал водить его в зоопарк, на аттракционы, старался воспитывать в нём мужчину. Дениска его обожал. И вот... Ведёт за ручку чужого мальчика, а своего оттолкнул, как надоедливую щенка...

В соседней комнате вскрикнул Дениска, прервал её невесёлые мысли. Она легла рядом с ним:

— Спи, мой родной, я с тобой, всё будет хорошо...

Он ткнулся в неё, как кутёнок, засопел, и сердце её переполнилось нежностью и любовью. Никто ей не нужен, никто! Она сделает всё, чтобы он рос счастливым!

— Дядя Вася, а ты белого медведя видел? — Дениска, оторвавшись от конструктора, смотрел на Василия, замирая от восторга и ужаса: неужели видел?

— Нет, Денис, медведя не видел.

— У-у-у, — разочарованно протянул Дениска.

— Белые медведи в Арктике водятся, а я до Арктики не добрался. Зато я видел северное сияние...

— Северное сияние? А что это такое? — Денис с интересом смотрел на Василия, вдруг пошатнувшийся авторитет которого снова поднялся.

— А вот приедете с мамой ко мне на Север, и я тебе покажу, что это такое.

Таня, складывая в стопку выстиранные вещи сына, подняла голову и встретилась взглядом с Василием. Ну зачем он? Она видела, что Дениска за эти несколько дней привязался к нему, ходил за ним хвостиком, буквально смотрел в рот. Надо прекращать это тесное общение. Ни к чему хорошему это не приведёт. Дениска привыкнет к нему, а потом снова разочарование.

— Дядь Вась, — дёргал его за рукав Дениска, — а ты сейчас расскажи, что такое северное сияние. — Денис, не приставай к дяде Васе! И вообще, пора спать. Быстро чистить зубы — и спокойной ночи! Денис, обиженно засопев, отправился в ванную.

Видел я северное сияние, Дениска, конечно, видел, думал Василий, лёжа без сна в номере убогой гостиницы. И много чего ещё видел в тундре за эти годы. Он исколесил её вдоль и поперёк. Тонул в непроходимых болотах, кормил огромных, рыжих и злых, комаров; зимой, в пятидесятиградусный мороз, замерзал на трассе в заглохшей машине...

Жизнь на Севере не мёд, это понятно. Но он привык и даже полюбил Север. И удивлялся самому себе, когда, находясь в отпуске где-нибудь на юге, вдруг начинал тосковать и рваться назад, туда, где бушуют ураганы и солнца не видишь по полгода. Зато какое счастье, когда на горизонте появляется узкая светлая полоска и на небо нехотя, медленно и устало поднимается невесёлое солнце! И хоть висит оно на небе всего час-другой, всё равно чувствуешь, что всё — конец долгой страшной зиме, и скоро оживёт природа, и вместе с ней оживёт душа.

Все эти годы он шоферил. Дорог на Севере практически нет — болота, топи, много узких, но глубоких рек. Зимой — только зимники. Идёт трактор, прочищая широкую полосу в глубоком снегу — всё, дорога готова. Случались разные происшествия. Однажды он в самом деле чуть не замёрз. Они с напарником оказались в глубоком кювете, машина не перевернулась, но застряла в снегу основательно. Попытка как-то исправить положение не увенчалась успехом, и от неудачи, от холода они начали, не выбирая выражений, в отчаянии упрекать друг друга, чуть до кулаков не дошло.

Ночь, мороз под пятьдесят, кругом на сотни километров ни души, только звёзды равнодушно смотрят на застывшую в ледяных объятьях землю. И на две маленькие человеческие фигурки, размахивающие руками.

Почти как у его любимого Высоцкого:

Дорога, а в дороге — маз, который по уши увяз,
В кабине — тьма, напарник третий час молчит.
Хоть бы кричал, аж зло берёт, —
Назад пятьсот, пятьсот вперёд,
А он — зубами «Танец с саблями» стучит.

Мы оба знали про маршрут,
Что этот маз на стройке ждут, —
А наше дело — сел, поехал, ночь-полночь.
Ну надо ж так — под Новый год
Назад пятьсот, пятьсот вперёд.
Сигналим зря — пурга, и некому помочь.

Они забрались в кабину — всё-таки хоть какое тепло, печка пока исправно работала. Бензин расходовать не боялись, с собой ещё две канистры. Молчали. Говорить было не о чем. Каждый думал о том, выберутся ли живыми. Надежды никакой. Снаружи пурга набирала силы, ревели, как раненый медведь, кабина уже по окна была занесена снегом. Тихо работающий двигатель навевал сон. «Замёрзнем ведь, Вася, — захныкал Пашка, — а у меня дети... Как они будут без меня?» — «Да замолчи ты! Заладил: замёрзнем, замёрзнем, — зло сказал Василий. — Что ты каркаешь? Дождёмся утра и попробуем вытащить машину. У меня одна идея появилась...» — «Какая идея, Вась?» — шмыгая носом, спросил с надеждой напарник, но Василий не ответил. Мысли его были далеко.

Он думал, что вот, может быть, здесь и закончится его жизнь. А что он сделал в этой жизни, кого сделал счастливым? Никто и не вспомнит, что был на свете такой Василий Сахаров, Васька-Рафинад, хохмач и весельчак... Друзья-приятели выпьют за помин души и назавтра забудут — у каждого свои заботы и проблемы. Тамара? Да что Тамара! Так, «подруга дней моих суровых» для редких встреч... В общем, ни семьи, ни любви... Нет, если удастся выбраться из этой передраги, надо кончать с этой жизнью. Уедет на юг, к Чёрному морю, купит там домик, благо денег заработал прилично, и будет наслаждаться теплом и солнцем. И он представил, что лежит на золотом песке, набегающие волны щекочут ноги, а из моря, вся в сверкающих капельках, выходит Таня... Таня-Танюша, песня моя неспетая!

Он был сейчас так далеко отсюда, что не слышал воя пурги, не ощущал холода, постепенно заполнявшего кабину, и не услышал, что звук урагана стал другим. Очнулся от громкого стука в дверцу кабины — на них чуть не наехал вездеход, водитель которого, заметив какое-то тёмное пятно в снежной круговерти, решил посмотреть, что это такое.

Василий вздохнул, посмотрел на светящиеся стрелки часов: три часа. До рассвета ещё далеко. Уснуть, видно, не придётся. Вчера он сделал предложение Татьяне. Она только удивлённо посмотрела на него и ничего не сказала и вообще никак не прореагировала на его слова, что он увезёт их с Дениской на юг, там у него, на самом берегу моря, есть дом, и как хорошо им будет вместе. Он любит её и сделает их с Дениской счастливыми! Он никому не даст их в обиду.

Он много ещё чего говорил, а она молчала, и в глазах её Василий не увидел ничего, кроме глубокой тоски.

Скоро рассвет... Он закурил, распахнул окно — вон, через дорогу, её дом. Но она так же далека от него, как была далека всегда. Он для неё только друг. И никогда не станет никем иным. Даже если согласится стать его женой. Она не любит его, он всегда это понимал. И как же она будет жить с нелюбимым? Разве она будет счастлива? А он хочет, хочет сделать её счастливой, но, получается, сделает её ещё более несчастной?

Вечером, встретив её после уроков, он ни слова не сказал о вчерашнем разговоре, и она с благодарностью взглянула на него. И от этого благодарного взгляда ему стало так больно и горько, что он чуть слышно застонал. Она с видимым облегчением восприняла его слова, что ему надо срочно уехать. — Спасибо, Вася! — она на мгновение прижалась к нему и тотчас отстранилась. — Спасибо тебе за всё.

Через месяц Татьяна получила заказное письмо. В нём была дарственная на дом в Геленджике на её имя и небольшая записка. Адреса и телефона Василия в ней не было...